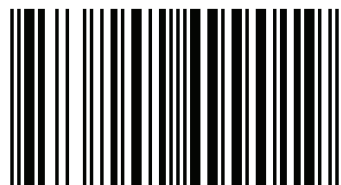

Когда экзамен на носу

Венгерский поэт Шандор Петефи когда-то утверждал, что студент - это еще ничего, из которого может выйти все. И под этим "все" можно подразумевать многое. Так, советский физик Лев Арцимович сравнивал студента не с сосудом, который надо заполнить, а с факелом, который надо зажечь. Советский писатель Константин Симонов главное отличие образованного человека от остальных видел в том, что он всегда продолжает считать свое образование незаконченным. Впрочем, можно встретить и менее серьезные высказывания об этой замечательной поре молодости - студенчестве. В частности, американский политик Теодор Рузвельт, видимо, имел какие-то основания говорить о том, что совершенно необразованный человек может разве что обчистить товарный вагон, тогда как выпускник университета может украсть железную дорогу. А классик русской литературы Антон Павлович Чехов известен своим высказыванием о том, что университет развивает все способности, в том числе и глупость. Свою трактовку некоторых граней студенческой жизни - не всегда серьезную - дают и персонажи данного сборника ироничных заметок. Насколько они правы - судить читателям.

Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз предпринимателей") и центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору немало встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этих ироничных строк со студенческим уклоном.

978-620-2-49901-9

YAM publishing

Борис Залесский

Когда экзамен на носу

Ирония со студенческим уклоном

Борис Залесский

Когда экзамен на носу

Борис Залесский

Когда экзамен на носу
Ирония со студенческим уклоном

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing
ist ein Imprint der / является торговой маркой
OmniScriptum Publishing Group
17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius
Email / электронная почта: info@omniscryptum.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-620-2-49901-9

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 OmniScriptum Publishing Group

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Beau-Bassin 2017

Оглавление

Больше эмоций положительных!	3
Спать хочется	4
Как получить «отлично»?	7
Сон в летнюю ночь	8
Егоркина тайна	11
В центре партера	13
Как сломался карандаш	15
Заплыв	17
Испытание	19
Когда экзамен на носу	21
Свой метод	23
На троих	25
Доигрался	27
Подарок	28
Незаметный	31
Легкого хлеба не бывает	33
Новогодний сюрприз	35
Встреча в переулке	37
Влип	39
Отдай конспект!	41
Как я был редактором	43
Третьего не дано	46
Неожиданная встреча	48
Лебединая песня	51
Начало	53
Секрет фирмы	56
Фотография	58
День первого тумана	60

Больше эмоций положительных!

Интересный эксперимент провел в дни сессии первокурсник Х. Магелланов. Материал, который читался в течение целого семестра, он сумел «заглотить» всего за три дня. Результаты не замедлили сказаться. На неосторожный вопрос преподавателя по высшей математике: «Что вы можете сказать о производной?» – он, не задумываясь, ответил:

– В рибонуклеиновом свете инверсии электролитической индукции эквивалентный синтез инфракрасной адаптированной коагуляции дегенеративного фотона может интерференцировать дифракцию эрудированной функции в коре больших полушарий головного мозга.

...Сейчас преподавателю С.Я. Фарадееву уже лучше.

– Скоро будем ходить, – обнадеживающе говорит его лечащий врач. – Главное, больше положительных эмоций!

1975 г.

Спать хочется

(Почти по Чехову)

Ночь. Варька, девка лет двадцати, читает толстенную книгу, переполненную бесконечными формулами сопромата. Перед Варькой горит настольная лампа, от которой на потолок ложится большое светлое пятно. Когда лампа начинает мигать, пятно и тени приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет импортным кремом.

Книга толстенная. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одервенело, что голова стала огромной как три книги. В углу в тихом экстазе надрывается магнитофон. Сама Варька мурлычет что-то в стиле «диско» и все это сливается в ночную убаюкивающую музыку. Теперь даже «Бони М» начинает раздражать Варьку, потому что их музыка вгоняет в дремоту, а спать нельзя. Если Варька, не дай бог, уснет, то экзаменатор завтра ее приберет – поставит двойку.

Лампа мигает. Светлое пятно приходит в движение, лезет в полукоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в ее наполовину уснувшем мозгу складывается в грезы. Она видит темные двутавровые балки, которые гоняются друг за другом, словно какие-нибудь фиктивные, и кричат так, как будто бы касательные напряжения у них стали давно больше допустимых. Но вот подул ветер, пропали балки. Изгиб с кручением окончательно доконали их. Варька видит огромный забор, прутья которого закручены каким-то невероятным узлом. «Это же – формула Журавского», – вспоминает Варька. Люди, идущие рядом с ней, вдруг яростно бросаются на забор и быстро отскакивают от него, и валятся прямо в грязь. «Зачем это?» – спрашивает Варька. «Спать, спать, все равно не выучишь», – отвечают ей. И они валятся, и засыпают крепко...

– И от солнышка ребенка родила, – мурлычет Варька и уже видит себя в светлой и большой аудитории. У доски кто-то стонет, затем втягивает в себя воздух и отбивает зубами барабанную дробь:

– Бу-бу-бу-бу...

Над ухом Варьки кто-то, гадливо улыбаясь, шепчет:

– Все равно двойку засветит.

Вдруг встает преподаватель. Щеки у него розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно видит он Варьку насквозь.

– Ну, что? Что это ты вздумала? Сдавать? Ха-ха-ха... Сколько же ты учила? Всего одну ночь? Ха-ха-ха...

Варька опускает голову. Преподаватель с четверть часа возится с тем, что у доски, потом поворачивается и говорит прямо Варьке:

– Я ничего не могу поделать. Тебе нужно арифметику учить, а не сопромат сдавать, – и опять отворачивается к тому, у доски. Варьке откровенно жаль того, у доски. Лицо синее-синее...

Варька идет из аудитории и плачет как дуреха в пустынном коридоре. Вдруг кто-то бьет ее по затылку. Она подымает глаза и видит здоровенный равнобокий уголок.

– Что же это ты, горемычная, – он больно треплет ее за ухо, – забыла меня на прочность проверить...

Варька встряхивает головой и все пропадает. Светлое пятно по-прежнему висит на потолке. Спать хочется опять, ужасно хочется! Все тело буквально налилось свинцовой тяжестью. Варька все понимает, все узнает, но сквозь полусон никак не может понять той силы, которая сковывает ее по рукам и ногам, мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее и находит: толстенная книга, которая мирно покоится у самых ее глаз. Варька смеется. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять этого? Она встает со стула и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она избавится от книги, а потом спать, спать...

Смеясь и подмигивая, грозя магнитофону пальцем, Варька подкрадывается к книге, хватает ее и, что есть силы, запускает в угол. Разорванные страницы легким, белоснежным ковром покрывают магнитофон.

«Все. Теперь не соберешь», – проносится в голове Варьки. Она быстро ложится на кровать, смеется от радости, что ей можно спать, и через несколько минут спит уже крепко, как мертвая...

1975 г.

Как получить «отлично»?

Эта мысль пришла к Егорушке Катапультову, студенту 012345 группы, за три дня до экзамена, на двести двадцать первом сантиметре его знаний по физике. Мысль была настолько дерзкой, что Катапультов с опаской поддерживал голову руками, чтобы мысль осела. Чувствуя, что формула линзы не дает ей спокойно лечь в извилину, Катапультов постучал головой... Стены остались целы.

– Все! К черту все шпаргалки! – Катапультов отодвинул шпаргалки в сторону. – Риск – благородное дело, если дело в шляпе. Эх, разок можно попробовать...

В то утро перед экзаменом Катапультов умышленно встал не с той ноги, выбросил из ботинка старый пятак, разогнул подкову, висевшую на стене, надел новый, только что взятый из ателье проката костюм, выбросил все шпаргалки в мусорный ящик, вышел через порог левой ногой, забыв присесть перед дорожкой и сплюнуть три раза через левое плечо, чтоб не сглазить.

Самое странное началось на экзамене. Преподаватель внимательно выслушал ответ Катапультова, медленно окинул его пронизательным взглядом. Почувствовав взгляд, Катапультов как бы невзначай развернул полы пиджака. Временных нашивных карманов там не было. Ни слова не говоря, только удовлетворенно кивнув головой, преподаватель поставил в зачетку «отлично».

Все были шокированы.

– Послушай, старик, куда ты засунул «шпоры»? – кто-то из ребят восхищенно потрогал плечо Катапультова. – Мы за тобой следили в окно. Ни одного лишнего движения. Все было так естественно. Как тебе это удалось?

Кто-то вытащил свои шпаргалки, готовый последовать совету опытного человека. Видя это, Катапультов улыбнулся:

– Как получить «пять»? В общем-то, просто. Нужно сесть и ... выучить.

1975 г.

Сон в летнюю ночь

По слабо освещенному двору скользнули вытянутые тени. Под ногами захрустели сухие ветки. Кто-то тихо постучал в окно. Иван лениво протер глаза. Стук повторился. Иван, нащупав ногами тапочки, подошел к окну.

– Кто?

– Открывай, свои, – услышал Иван низкий голос.

«Кого там черт принес?» – Иван потянулся к защелке, усиленно соображая, где он мог слышать этот чем-то знакомый голос.

Окно распахнулось, и Иван почувствовал, как что-то скользкое и липкое, цепко ухватившись, сдавило ему горло...

Очнулся Иван Антонович Булыжник от боли в левом ухе. Большой палец одноименной ноги очень неприятно давил на барабанную перепонку. Кто-то, видимо, заметил, как дрогнули его веки. Чей-то палец бесцеремонно отвел веко Ивана от занимаемого положения.

– Живой, гнида. Ребята, еще ведро воды.

Иван открыл глаза. Теперь он вспомнил, чей это был голос. Таким же голосом у него требовали цемент, бетономешалку, насосы. Это был голос Димки-мастерка, командира студенческого строительного отряда.

– Ну, товарищ прораб, будем говорить? – Димка стоял буквально в двух шагах. В его руках блеснул раскаленный до пластического состояния металлический прут.

– Ребятки, вы что?... Железку бы в воду опустили, чем мне под нос сунуть.

– Э-э, нет! – в узких глазах Димки блеснул злой огонек. – Ты нам сейчас за все ответишь... Владька, готовь розги...

– За что?! – зашелся в крике Иван. Он уже чувствовал жар раскаленного металла на своей вспотевшей груди. – Что вам нужно?!

Димка отступил.

– Будешь слушать?

– Да!... Да!... Да!

– На стройплощадке ты нас не больно желал слушать. Ладно... Серега, начинай.

Голос Сереги донесся откуда-то издалека:

– ...г) обеспечить бесперебойную доставку бетона, кирпича, пиломатериалов; д) обеспечить необходимым количеством техники, насосами, краном.

«Фу, хоть время выиграл. Может, наши поспеют, – Иван огляделся. – Черти, за горло берут». Бежать было некуда. Вокруг плотным кольцом стояли студенты.

– ... е) обеспечить студентов телевизором марки «Горизонт».

«Держи карман шире. Может, вам еще Малый театр сюда привезти?» – Иван поежился. Чтение закончилось.

– Ну? – кольцо студентов стало сжиматься. – Говори.

Впереди всех шел Димка с прутом. Иван понял, что сейчас будет нехорошо. Почему-то вспомнились жена, дочь, желтый «Москвич» управляющего.

– Я готов подписать ваши требования, друзья, – иного выхода не было. – Я готов, но у меня нет авторучки.

– Возьми, – кто-то бросил авторучку. Иван быстро схватил ее и расписался. Студенты удивленно переглянулись и ... расхохотались. И вдруг все исчезло. Только откуда-то издалека, из темноты, слышался голос мастера участка Кузьмы.

– Иван Антонович! Что же ты, родной? Ну?

«Приставили б тебе прут к горлу, не то бы сделал», – хотел зло ответить Иван Антонович, но почувствовал, как кто-то его очень больно трясет, так что отдается в мозжечке...

Иван Антонович открыл глаза. Над его кроватью стоял вспотевший Кузьма и, облизывая сухие губы, отчаянно кричал:

– Иван Антонович, родной, ну что же ты? Вставай, вставай быстрее!

Иван посмотрел в окно. Светило яркое и свежее утреннее солнце.

«Неужели сон? Чудно как-то. Чего только людям не приснится! Скажи кому – не поверят».

– Чего ты кричишь, Кузьма?

– А что мне еще делать? Студенты кричат: «Давай работу!» И я кричу: «Нет!» Чуть ли не с ножом к горлу подступают. Выручай, Антонович!

Иван снова посмотрел в окно: «Никак сон продолжается».

1975 г.

Егоркина тайна

Вечером на Егорушку Катапультова все смотрели с удивлением. Даже девушки. Этот худенький паренек с иссиня-черными глазами оказался скорым на руку. Обогнав всех на несколько сот килограммов, он стал лучшим картофелекопателем своей 012345 группы. Удивляться пришлось и на следующий день, когда история, прямо сказать, повторилась.

– Честное слово, эти Катапультовы хохмы к добру не приведут, – Сизифов высказался первым.

– Этак, на нас глядя, скажут, что мы ничего не делаем, – не на шутку встревожился Макушкин.

– Егор – молодец, – крикнул кто-то из девчонок.

– Нет, здесь что-то не так. Он что-то придумал, потому и обгоняет всех, – сказал Сизифов. – Интересно, что?

Макушкин почесал затылок.

– А что? Если что интересное, можно даже перенять опыт... Может, за него кто работает?

Все были заинтригованы. Сизифов и Макушкин решили пожертвовать рабочим днем ради общего дела...

...С третьими петухами залегли в кустах рядом с участком Егора.

– Глянь, пришел. Ишь, пташка ранняя... Все еще завтракать сели, а он уже здесь. Ясное дело, что-то тут нечисто, – Сизифов получше замаскировался в кустах.

Егор, ничего не подозревая, поставил ведро на землю и опустился на колени.

– Червем в землю входит, – заметил Макушкин.

...Егор, немного уставший, наполнил семнадцатое ведро и, улыбнувшись, сел отдохнуть.

– Ну, сейчас увидим, – Сизифов с улыбкой смотрел на Егора. – Намаялся.

Макушкин потянулся:

– И я тоже.

Однако ничего не произошло. Немного посидев, Егор опять «ввинтился» в землю.

– Это мне не нравится, – Сизифов с тревогой взглянул на Макушкина. – Наверное, что-то заподозрил. Чувствует, что наблюдаем.

– Чем? Носом что ли?

– А что? – Сизифов брезгливо посмотрел на Макушкина. – С таким пойти куда – за версту слышно.

Макушкин задумался:

– Не, тут что-то другое. Может, еще не время, может, когда устанет, тогда и начнет?

– Куда уж начинать. Солнце – над верхушками. Обед.

– А он работает.

– Да, загадка на загадке...

...Вечером история повторилась. Егор продолжал удивлять: опять стал лучшим...

1975 г.

В центре партера

Какой чудесный балет «Лебединое озеро»! Вчера мы смогли убедиться в этом еще раз. Всей группой. Сразу.

Места попались удобные – в центре партера. Сцена – как на ладони. То, что сцена была, помню точно.

После первых звуков увертюры кто-то толкнул меня в бок:

– Витек, логарифмическую взял?

Я, стараясь не отрывать взгляда от сцены, отдал линейку... Какая прекрасная музыка! Я чувствовал, как у меня вырастают крылья.

– Витек, что-то я не могу разобраться, – меня сзади потрогали за пиджак.
– Посмотри, где насыпь, а где выемка. Посмотри, а то горю.

У нас действительно горел проект. Дружно хлопнули замки сумок. Я попытался что-то объяснить. В темноте это прозвучало неубедительно и трудно представимо. Кто-то из наших вдруг радостно ойкнул:

– Ребята, вон там, видите, во втором ряду? Это же наш Егорыч.

Действительно, это был Егорыч, наш консультант.

– Зови его!

Но трудно перекричать целый оркестр. Наши бесплодные попытки – хорошее тому подтверждение. Нужно было идти и брать живым. Идти решили втроем, чтобы в случае отказа принести на руках. Через весь зал. Пусть все видят, в какой цене хорошие педагоги.

Увидев нас, Егорыч как-то осунулся и согласно кивнул головой. Отказывать было бесполезно. Он хорошо знал об этом.

К началу второго акта курсовые проекты сдвинулись на местах. Несмотря на темноту и громкую музыку, работа не останавливалась ни на секунду. Голос Егорыча звучал внятно:

– Итак, посмотрим на сцену. Видите, там, в углу стоит маленький черный лебедь. Представим, что это трактор «Беларусь». Место, где только что

пробежал парень в трико, обозначим, как котлован. Из него тоже можно было бы сделать озеро и пустить туда лебедей...

Это была разрядка. Мы дружно рассмеялись.

– Ну, все. Посмеялись и работать. Видите, черный лебедь медленно приближается к парню. Вот таким образом трактор «Беларусь» подходит к котловану. Ковш опущен. Семенову на сцену не смотреть. Это же по его курсовому проекту. Можно переписывать один к одному. Тебе сказали, отвернись. Сам думай. Я не виноват, что твой курсовой так совпадает.

– И все же чего-то я не понял, – Сизифов поднял руку. – А если грунт слабый? Видите, черный лебедь упал. Что я говорил! Надо, видимо, учитывать связность грунтов. Котлован-то глубокий...

– Нет, здесь немного иначе. Во-первых, мы его можем вытащить из котлована. Видите, парень в трико уже пытается это сделать. Во-вторых, кроме связности, нужно учитывать еще и правила техники безопасности. В-третьих, мы можем с гораздо большим эффектом использовать грейдер. Видите, вон того рыцаря? Сравните его с черным лебедем. Теперь ясно, чем грейдер отличается от трактора и когда лучше его использовать? Правильно. Потому он и топчет этого в трико. Чтобы провести планировку котлована, разровнять неровности и складки...

После спектакля пятьдесят процентов курсового лежало в наших сумках. Нам было очень хорошо. Музыка просто удивительная!

1975 г.

Как сломался карандаш

(Сказка)

Мягкий Карандаш размышлял вслух. Он лежал в коробке со всеми карандашами и говорил, ни к кому не обращаясь:

– Это просто ужасно. Ужасно гадко. Со мной за всю жизнь не случилось ничего подобного.

Он был очень мягким, эмоциональным карандашом. Может быть, поэтому так близко к сердцу принимал все происходящее не только с ним, но и вокруг него.

– Таков суровый закон жизни, – не глядя на него, жестко сказал Твердый Карандаш, думая о чем-то своем.

– Вы так думаете? А я – нет. Но это действительно ужасно... Вот уже три года, как я работаю над курсовыми, дипломными проектами. Если бы вы знали, как это интересно. Постоянно что-то ищешь, экспериментируешь. Творческий поиск – что может быть интереснее. О! Я бы мог рассказывать об этом часами. Уж кто-кто, а я знаю, что такое истинное наслаждение. Это – успешно законченный эксперимент, исследование, курсовой проект... И вот, пожалуйста, вчера я впервые занялся плагиатом. Не по своей, конечно, воле. Где эти добрые, старые времена? Я обводил уже готовые чертежи, просвечивающиеся лампой через стекло. Где полет фантазии, где творчество?! Я бегал по заранее намеченным линиям, не имея возможности отклониться даже на миллиметр. Как дрожала рука этого мерзкого молодого человека... Он очень боялся что-нибудь упустить. Как он боялся! Ничего более противного я еще не видел.

– Суровый закон жизни, – Твердый Карандаш был как всегда тверд.

– Я мог бы согласиться с вами. Но я знаю подлинную цену этому. Это – ремесленничество. Ремесленничество даже в чем-то одном рождает его во всем, во всей жизни. Что может быть страшнее?

Твердый Карандаш не мог понять его. Он работал на копировальных устройствах. И был этим вполне доволен. Мягкий Карандаш осекся. Невозможно говорить, если тебя не понимают. Остается ждать...

...На следующий день Мягкий Карандаш сломался. Он не мог ждать. Мягкая эмоциональная натура. Он думал этим что-то изменить. Его заменили Твердым Карандашом, который великолепно знал свое дело.

1975 г.

Заплыв

Кажется, мы вместе вынырнули. Я приподнял голову над водой и осмотрелся. Он плыл рядом, но не подавал особых признаков активности.

– Куда нам плыть? – мне трудно было сразу схватить ориентиры. Он медленно повернул голову.

– Я думаю, вперед. Внизу дно, туда никак нельзя.

– Ага. Понятно. Значит, вперед.

Минут пять мы плыли молча. Наконец, я не выдержал:

– Ты когда-нибудь плавал?

– Ага. В ванне. Дома.

– В ванне плохо.

– Стенки мешают. А здесь – класс! Можешь плыть, можешь под воду уйти.

Сказав это, он ушел. Я немного испугался.

– Э-э, не шути, – я похлопал ладошкой по воде. Он показался так же медленно, как уходил.

– Что? Испугался? Ты что, плавать не умеешь? Никогда не плавал?

– Почему не плавал? Плавал. Каждую сессию, как дельфин. От одного рифа уйду, другой уже ждет острым концом.

Мы опять немного помолчали. Минут десять.

– Как ты думаешь, скоро финиш? – я опять попытался осмотреться.

– Я думаю, пока не наткнемся на что-нибудь. У всякой дороги есть конец.

– Масштабно мыслишь, друг. Вот жаль, что мы тобой одни остались, остальные уже где-то закончили дистанцию.

– Ты что? – слева от меня, немного сзади, захихикали. Я попытался обернуться, но, вероятно, сделал что-то чересчур резко...

– Ну, ты больше не шути так, – я открыл глаза.

Чьи-то руки держали меня на плаву и пытались сделать мне искусственное дыхание. Я узнал соседа по заплыву.

– Где, где я?

– Не беспокойся, все тут. Плыдем... Хлебнул воды. Любопытный? Сплюнь.

Мне стало легче.

– Долго ты со мной возился? – я с уважением посмотрел на него.

– Минут двадцать, – удостоверившись, что я в полном сознании, он перелез на свою дорожку.

– Да, эпопея... – я осторожно разгреб воду.

...Час финиша пробил. Мы наткнулись на что-то бетонное. Стенка бассейна. Сквозь сентиментальный туман в глазах я увидел, как подбрасывали вверх нашего преподавателя по физвоспитанию. Сдача норм ГТО по плаванию нашей группой была успешно завершена. К финишу пришли все.

1976 г.

Испытание

Нас взяли совсем еще тепленькими. Это бывает, когда начисто забываешь о какой-либо опасности. Это бывает, когда от безделья становишься доверчивым и невнимательным.

Как-то перед одним из экзаменов к нам пришел наш куратор и сказал:

– Ребята, завтра у вас знаменательный день. Вас выбрали для участия в научном эксперименте – сдавать экзамен электронно-вычислительной машине. Понимаете, весь фокус в том, что ей не надо будет отвечать. Достаточно лишь вспомнить соответствующий участок информации вот здесь, – он показал на голову, – как машина уже будет обо всем знать и сразу выставит самую объективную оценку ваших знаний.

Он восхищенно гладил нам головы, но это больше напоминало нам следствие его удивления: «Неужели у них есть этот участок информации?» Большинство из нас тоже было бы не прочь узнать ответ на этот вопрос. А пока мы были тепленькими, как свежеприготовленные к эксперименту кролики. И наш час пробил.

Это было Варфоломеевское утро. Эксперимент явно выбил почву из-под многих ног, так что приходилось приземляться на голову, на участки соответствующей информации. С непривычки это было очень больно.

...Людочка, наша отличница, плакала самым обыкновенным образом, размазывая тушь по всему лицу.

– Забыла три последние строчки и все, – в ее раскрытой зачетке жирно чернел печатными буквами «неуд». Это был первый звонок. Мы собрались на летучку.

– Думаю, так, – сказал кто-то из наших, кажется, Сизифов. – Надо что-то делать.

– С кем?

– Или с экзаменатором или с нами... Надо спасать группу.

– Как?

Мы тяжело задумались.

– Может отказаться от эксперимента?

– Ты что? Это же событие в научном мире! На нас же надеются...

Кто-то продолжал всхлипывать. Это были уже ответившие. Эксперимент удался. После выхода шестого человек троек не было.

– Следующий! – из аудитории раздался голос электронного человека.

Отступить было некуда: вокруг были стены. И мы решились:

– Сизый! Иди! Твоя очередь!

Сизифов беспомощно осмотрелся и, опустив голову, вошел в аудиторию.

Трудно сказать, что это было: состязание интеллектов или что-то другое. Ясно одно, после непродолжительного контакта в экзаменаторе что-то щелкнуло, и он затих. Ведь он был всего лишь машиной. Растерянный Сизифов с грустью смотрел на машину. Все оцепенели. От ужаса и счастья. Сизифов качнул головой:

– Так и не смог вспомнить. Эх-ма!

– Что ты там бормочешь? Чего ты не смог вспомнить?... Ты же нас спас! Вот это настоящий друг! – мы понемногу отходили от шока. – Как тебе это удалось?

Сизифов с опущенной головой отошел от машины.

– Так и не смог вспомнить, какой же мы сегодня предмет сдаем. Вот память проклятая!

1976 г.

Когда экзамен на носу

Несмотря на бурную весну, в парке тихо и пустынно. Только возле одной из скамеек стоят две детские коляски. Рядом сидят двое молодых мужчин с книгами в руках.

Изредка они отрывают от книг свои застекленевшие глаза и долго смотрят на беснующихся в колясках малышей. Взгляды их теплеют.

– Мой Борька точно студентом будет, – улыбаясь, говорит первый. – Ишь, ручку куда-то засунул. Рукавчик рубашечки есть, а ручечки нету. Ай, да, Борик! Мистифицирует!

– Моя Галочка – не-е-ет! – улыбаясь еще шире, говорит второй. – Посмотреть, любо-дорого. Спокойная, рассудительная. Прямо, преподаватель вылитый... Возьми, возьми бумажечки. Поиграй.

– Как же так: рукавчик есть, а рученьки нету. Что же он отвинтил ее, что ли?... Ух, ты, студентик мой! Рукавчик е-е-есть!

– Поиграй доченька... Э-э! Не так... Зачем же бумажечки рвать? Все «шпорочки» – в кусочки... Ай да, Галочка! Что, папка, сиди опять сутки? Пиши своим корявым.

– Вот вам и Борик. Рученьку оказывается за спинку спрятал... Неужели это я его так одевал? Обожди, а ножки есть? Фу-у... Есть. И обе в штанишках... А с рукавчиком так неплохо бы и самому попробовать на экзамене. Только не на спинку, а на животик. Кажется, есть рациональное зерно.

– Правильно, доченька. Смотри на папку и смейся. Папка у тебя, действительно, похож на барана. Папка теперь без «шпорочек», как птичка без крылышек. Не полетит. А полетит, так быстро посадят... На свое место.

– Ай да, Борик! Студентом будет, точно... Что это за бумажечки из ротика вытаскивает? Вот ведь мыслит! Да там же шпаргалку можно положить. Под язык. Обожди, обожди, Боречка, дай папке попробовать... Вроде неплохо...

– Ой! Что у нас с Галочкой? Плачет, Галочка! Папку жалко? Конечно, жалко.

– Ей, по моему, себя жалко, – сострадально говорит первый и показывает на пеленки.

– Да-а, – второй растерянно смотрит то на коляску, то на книжку. – Сдашь ты, папка, завтра экзамен! Что, доченька, пойдем? ... Нет, она у меня преподавателем будет. Вечно у нее дела, когда у меня нет времени.

Они поднимаются и уходят, осторожно подталкивая перед собой коляски и не менее осторожно кося одним глазом на книжки. Ничего не поделаешь, экзамен на носу.

1976 г.

Свой метод

– Что это мы с тобой сегодня целый день встречаемся в автобусах да троллейбусах, – сказал я и похлопал Его по плечу.

– Да, уже, наверное, раз пятый видимся, – ответил Он и улыбнулся.

У Него была немного загадочная улыбка. Он сел сразу за мной. Чтобы как-то рассмотреть Его, мне пришлось немного развернуться на сидении.

– Ты что, работаешь здесь? – я с интересом посмотрел на Него.

– Почти, – сказал Он и вдруг опять широко улыбнулся.

В заднюю дверь автобуса вскочил какой-то мужчина и стал почти рядом с Ним. Он быстро встал и, все также широко улыбаясь, сказал:

– Здравствуйте, Игорь Михайлович. Садитесь, пожалуйста.

Мужчина изумленно взглянул на Него, но возражать не стал. Сел. Я тоже посмотрел на Него:

– Ты что?

Он наклонился к моему уху и тихо проговорил:

– Вот такая у меня работа...

– Какая?

– Уступаю место старшим... Вот этот – наш проректор по учебной части. Сам понимаешь, сессия скоро, пора за голову браться. Сегодня уже трем преподавателям уступил место. Плюс сейчас проректору.

– Ты знаешь, это – идея, – я увидел, как в переднюю дверь вскочил наш заместитель декана по общежитиям.

– Евгений Эдуардович, пожалуйста, садитесь, – я быстро встал и широким жестом указал на свое место. Заместитель декана восхищенно посмотрел на меня и сел. По взгляду я понял: меня запомнили надолго.

– Что-то мы с тобой, действительно, сегодня часто встречаемся в общественном транспорте, – сказал Он и подозрительно осмотрел меня с ног до головы.

– Дела, – ответил я, неопределенно пожав плечами. И двинулся к выходу.

Можно было менять автобус...

У меня сессия тоже была на носу.

1976 г.

На троих

– Ну, как пошло? – спросил Синекуров, с состраданием во взгляде осматривая своих товарищей.

– Вроде ничего, можно продолжать, – глухо отозвался Мигреньев, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– А, по-моему, надо передохнуть, чтобы не перебрать, – словно извиняясь за глупость, тихим голосом произнес Поливинилов. – Куда спешить? Весь вечер еще впереди. Что-то голова у меня закружилась.

– Слабак, – брезгливо поморщился Синекуров. – С твоим здоровьем знаешь, где быть?

– Знаю, – угрюмо глядя впереди себя, ответил Поливинилов. – Что делать, если я так уж природой устроен?

– Спортом надо заниматься, спортом, хотя бы в период между сессиями, – молодецки поигрывая бицепсами под рубашкой, наставительно произнес Синекуров. – С тобой ведь, Поливинилов, стыдно за одним столом сидеть. Мешок мешком. И это в двадцать лет. Что с тобой, дорогой мой будущий инженер, будет уже через пару лет? А ведь впереди тебя ждет столько нервных перегрузок.

– Может, привыкну? – попытался оправдаться Поливинилов.

– Эй, хватит трепаться, – прервал диалог товарищей Мигреньев. – Я считаю, можно продолжать. Не спеша, конечно. Чтобы Поливинилова не пришлось выносить отсюда.

– Ох, лишнее это мне, ребята. У меня это все уже в горле стоит, – сказал, все больше и больше бледнея, Поливинилов, затем встал из-за стола и нетвердой походкой подошел к окну. – Не выдержу я...

– Но-но, только без глупостей, – строго предупредил его Синекуров. – Знаем мы эти комки в горле.

– Не хочешь, Поливинил, не надо, – примирительно сказал Мигреньев. – Заставлять особенно не будем. Но вот что тебе скажет твоя собственная совесть, когда мы, твои близкие товарищи, уйдем вперед тебя?

– Не знаю, не знаю, – хватая ртом свежий воздух, ответил Поливинилов, уже немного розовея.

– Да брось ты раскисать! Сколько нам тут осталось? Ерунда совсем. В два приема и готово, – Синекуров тоже встал из-за стола, подошел к Поливинилову и хлопнул его по плечу. – Ну, возьми себя в руки, ты же – мужчина!

– П-п-постараюсь, – вяло ответил Поливинилов. – И как это люди к этому привыкают? Не представляю.

– Такое, конечно, трудно представить, – философски заметил Мигреньев. – В этом один из секретов человеческого организма – высокоразвитой материи... Ну-у, так я снова ставлю вопрос ребром: будем продолжать?

Чувствуя на себе острые, требовательные взгляды своих товарищей, Поливинилов съезжился и, с минуту помолчав, отчаянно махнул рукой:

– А-а, где наша не пропадала. Была – не была, давай продолжать.

– Вот это другой разговор, – обрадовался Мигреньев. – Давай, Синекур, банкуй...

– Все понял, – Синекуров быстро сел на свое место, раскрыл учебник высшей математики и, пообеда товарищей испытывающим взглядом, спросил, – Так, на каком билете мы остановились?

– На двенадцатом, – угрюмо уточнил Поливинилов и, потянувшись за авторучкой, с чувством выдохнул. – Трудное это все-таки дело – последний день перед экзаменом.

– Это точно, – согласился с ним Мигреньев. – Одно слово – сессия... Читай, Синекуров...

1976 г.

Доигрался

Я всегда думал, что когда-нибудь доиграюсь. С таким отношением к учебе. И знакомые так говорили. И родные. И, действительно, доигрался. После того, как сдал экзаменационную сессию без единой хорошей оценки. Только отличные.

Уже на следующий день на меня смотрели иначе. Даже не на меня. На мою голову. В глазах знакомых я читал одну нестерпимую мысль: «Интересно было бы постучать. Каков звук?» Отец был более категоричен: «У нас в роду ты первый такой. Хороший. Лучше всех, видели такого. Вот она, нынешняя молодежь».

В своем родном потоке я почувствовал вокруг себя вакуум. Самые симпатичные девушки стали смотреть на меня с сожалением и с нескрываемым подозрением: «Интересно, чем он болен: почки, поджелудочная железа, мозжечок? Болезнь, конечно, хочет скрыть!» В отместку им всем я сдал нормы ГТО. Но это еще больше усилило подозрения: «Ага. Ишь, старается. Значит, действительно, что-то есть. Что-то нечисто».

Мне стало совсем невмоготу. Ко мне стали обращаться с забавными вопросами. Я обязан был знать все. Иначе мне грозило услышать что-нибудь такое, брошенное вскользь, но обязательно касающееся меня или, по крайней мере, моей анатомии.

Наконец, деньги. Мне дали повышенную стипендию. И я понял, что лишние деньги, действительно, развращают. Я стал испытывать тяжкие муки, не зная, куда деть лишнюю десятку, так как привык жить строго на сорок рублей в месяц. И сознание того, что не все у меня складывается как надо, стало отравлять мне жизнь.

Ну, ничего, скоро сессия...

1976 г.

Подарок

Я мог бы поклясться перед кем угодно: мне он был совершенно незнаком. Но его улыбка была настолько открытой и располагающей, что мне просто ничего не оставалось делать, как ответить ему тем же. Так же широко и так же мило.

Он позвонил мне в дверь и сейчас стоял у порога. Мы с минуту молчали, улыбаясь друг другу. Наконец, он подавил в себе этот улыбающийся пузырек щек и вкрадчиво произнес:

– А я ведь принес...

Признайтесь, приятно, когда вам что-то приносят. Начинаешь чувствовать себя нужным людям. И хотя я абсолютно не знал, о чем идет речь, я широким жестом пригласил его пройти в комнату.

Он прошел и оглядел стены моей квартиры, сплошь заставленные книгами.

– Да-а, Антон Яковлевич недаром говорил о вас, как о тонком ценителе, – он, прищелкивая языком, скользил взглядом по корешкам книг. Затем, словно спохватившись, быстро достал из портфеля какой-то сверток.

– Вот. Антон Яковлевич сказал, что вы очень нуждаетесь в этом издании.

Мне трудно было судить, о ком из моих знакомых идет речь. Потому что знакомых Антонов Яковлевичей я не имел. Сами понимаете, я не мог обидеть гостя своими бестактными уточнениями. Тем более, что речь шла, в конце концов, о книгах.

Он развернул сверток и показал мне книгу небольшого формата с пожелтевшими страницами.

– Всего два дня поисков и вот оно перед вами, – он старательно заглянул мне в глаза, пытаясь прочесть там умиление или, по крайней мере, одобрение содеянному. Я напрягся и посмотрел на него теплыми глазами. Затем, млея от восторга, спросил:

– Что это?

– Как что? Это курс «Сопrotивления материалов». Тысяча девятьсот тридцать девятого года издания. На испанском языке, – он чутко смотрел на меня и аккуратно гладил книгу своими тонкими белыми пальчиками.

Пытаясь как-то сориентироваться в неожиданной обстановке, я старался как-то выиграть время.

– Неужели? – мягко спросил я и прикинул, кто из знакомых мог бы сыграть со мною такую милую шутку. Это было немножко затруднительно.

– О, да! Это именно так. И всего два дня трудов... Антон Яковлевич был прав: вы – фанатик. Я это вижу по вашим глазам, – он участливо покачал головой.

Я старательно отвел глаза, чтобы он там не прочел еще чего-нибудь. Менее сентиментального.

– Может быть, чай или кофе? – я никак не мог понять, зачем мне нужен курс «Сопrotивления материалов». Тысяча девятьсот тридцать девятого года издания. На испанском языке. И поэтому тянул, как мог.

– Вы знаете, время – оно так дорого, – и он постучал костяшками своих воздушных пальчиков по циферблату своих часов. – Я думаю, мы быстро сговоримся.

Я задумчиво кивнул головой.

– Значит так. Оскар Уайльд, Уильям Фолкнер, Рэй Брэдбери, – он последовательно загнул три пальца и посмотрел на меня. – Только не предлагайте мне Хэмингуэя и Эренбурга... Конечно, я знаю истинную цену этому изданию.

Он кивнул на курс «Сопrotивления материалов».

– Но ради нашего маленького знакомства... – он наклонился ко мне и похлопал своей ладошкой по моей коленке. – Мы ведь с вами друзья, не правда, ли?

Потом он потрепал меня по щечке и добавил:

– Ну-ну, не огорчайтесь. Их вы мне отдадите в другой раз.

...Я не смог повредить тогда ему мозжечка и сейчас очень сожалею об этом. Когда смотрю на это загадочное издание «Сопротивления материалов» тысяча девятьсот тридцать девятого года. На испанском языке. Хотя тогда мы все-таки расстались друзьями.

1976 г.

Незаметный

Он появился как-то незаметно. Почти не сумел привлечь к себе внимания. О нем никто не думал. И не заботился. Слишком много было других, важных дел. Наверное, он тоже не подозревал, что к нему так отнесутся. В высшей степени холодно. Его туманные угрозы были слишком отдалены сроками сдачи. Других мер воздействия у него не было.

А ведь он был не таким уж и простым. Чтобы разобраться в нем, надо было прилично покопаться, многое прочесть, проанализировать, сопоставить факты. Нельзя сказать, что от него отмахнулись. Просто его появление никого не обрадовало. Незванный гость хуже... Его это тоже задело. И довольно глубоко. Он был не так уж прост, чтобы его могли свободно игнорировать. И он затаил злобу. На весь мир. На всех этих поверхностно-веселых и объемно-пустых молодых людей. Он знал, как он будет мстить. Они с ним еще побегают. Поносят его на руках, поплачут над его удивительной сложностью, постучатся головой в закрытую дверь своего консультанта. Уж он-то им устроит.

Сейчас им весело. Кто-то даже заметил его. И пытается остроумно иронизировать над его неуклюжестью и, может быть, не совсем компактным видом. Иронизируй, яйцеголовый. Будет и на твоей улице траур. Когда тебе твоя ирония будет вылазить боком. Уж тебя-то надо будет помнить особо. Ты еще угробишь тонну здоровья, чтобы получить килограмм знаний.

Курсовой проект продолжал придумывать козни. Вот этот красавчик, который так брезгливо поднял двумя пальцами свое задание по курсовому проектированию, будет рассчитывать фигурное сечение. Разработок в учебных пособиях по такому сечению нет. Поработаешь, голубчик, сам. Познаешь вкус исследовательской работы, когда над головой у тебя висит еще парочка проектов.

А вас, девчухи-хохотушки, придется наказать графической частью. Вы еще поработаете над ступенчатым разрезом. Когда все оси у вас будут идти

мимо проектных отметок. Вы еще узнаете, как работать с курсовыми проектами. Придется расплачиваться кровью. И никакая библиотека вам не поможет. Вы еще у меня почете...

1976 г.

Легкого хлеба не бывает

Дверь скрипела долго и колюче. Антон Антонович невольно оторвал взгляд от скучающей аудитории, набитой экзаменующимися, и удивленно посмотрел в проем двери. Сначала показалась голова и узкие вздернутые плечи. Затем чья-то правая нога аккуратно скользнула через порог. Это был экзаменующийся.

– Я, – молодой человек как-то странно развел руками. – Я прошу меня извинить... Но это... Это экзамен... Я не совсем...

И затем, вдруг опомнившись, кивнул головой:

– Здравствуйте...

Антон Антонович тщательно поправил очки и приветливо ответил:

– Вы, наверное, пришли сдавать...

Молодой человек в каком-то суеверном ужасе раскрыл глаза и вытянул вперед руку:

– Да, да... Сдавать... Это именно то слово...

«Волнуется, – подумал Антон Антонович. – Прямо слово не может связать. Ох, уж эта сессия! Сколько здоровья отбирает... А ведь где-то выучил все от корки до кожи. А все боится. Эх, студенты, странный народ. И ведь так всегда».

Антон Антонович откинулся к спинке стула и, размышляя, на мгновение прикрыл глаза. Молодой человек быстрым, настороженным взглядом окинул страдающую аудиторию. Антон Антонович открыл глаза и мягко сказал:

– Ну, что же вы, билеты, вот здесь, – он спокойно указал на лежавшую рядом стопку билетов.

Молодой человек как-то некрасиво поднес руки к полуоткрытому рту и попытался что-то сказать. Из его горла вырвался несколько неестественный звук. Антон Антонович сочувственно покачал головой. «Этот, точно, зубрилка. Всю ночь где-то напролет сидел. По пятому разу все прошел... Ишь, как его крутит. Чем больше знаешь, тем больше крутит. Старая истина...»

– Да... Да... Вы правы... Билет... Где? – походкой полиомиелитика молодой человек подошел к столу. Неаккуратно смахнул вибрирующей рукой крупную испарину со лба, немножко угодив в экзаменатора.

Антон Антонович несколько поморщился и мелко застучал пальцами по столу: «Гм. Холодный пот. Как бы припадок не устроил».

Молодой человек угрожающе сглотнул. И настойчиво взглянул в глаза преподавателя.

«Этот может», – как-то органично и легко оценил ситуацию Антон Антонович и чуточку пожалел свой совершенно новый кримпленовый костюм с голубым отливом. Затем заставил себя интеллигентно улыбнуться и повторить:

– Ну, что же вы? Билеты здесь...

– Где? – молодой человек уже смотрел невидящим взглядом и конвульсивно клонился над столом, дав новую пищу для размышлений.

«Не нравится мне все это. Может, ну, его. Взять зачетку и все. Знает ведь, чертяка. По глазам вижу, знает». Антон Антонович незаметно отодвинул стул подальше. «И все-таки нет. Пусть подготовится. Успокоится. Представляю, какое наслаждение он мне доставит как экзаменатору».

– Правее, правее, – ободряюще ответил Антон Антонович и попытался поддержать молодого человека за рукав.

– Спасибо, – уныло сказал тот, рухнув на пол, и, зажав билет в зубах, пополз готовиться, изредка оглядываясь...

– Кремень, – сокрушенно вздохнули за дверью в адрес преподавателя. – Такие номера у нашего не проходят. Легкого хлеба не бывает. Надо идти другим путем... Готовь, ребята, «шпоры»...

1977 г.

Новогодний сюрприз

Он сразу понял, что за ним идут. Двое здоровых ребят по этой стороне улицы и трое – на противоположной. Он быстро среагировал на это и юркнул в уже отходивший автобус со слабой надеждой избавиться от нежеланных преследователей, но и там сразу заметил двоих. Он был слишком опытен, чтобы ошибаться и узнавал их по едва уловимым признакам.

В автобусе он почувствовал, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем это могло показаться на первый взгляд. За ним следили комплексно, передавая его из рук в руки, что свидетельствовало об их высоком уровне готовности.

Через две остановки он выскочил из автобуса и профессионально огляделся. Их стало вдвое больше, и они бдительно следили за каждым его шагом, каждым движением. Первые симптомы паники стали проникать в его сознание.

«Все. Сегодня не уйти, – грустно подумал он, продолжая прикидывать варианты спасения. – Сегодня они резко активизировались. Пикеты стоят на каждом углу. Надо играть в открытую».

Быстрым шагом он направился к огромному зеленому зданию. Это было его отступление. Они, предвкушая скорую победу, ринулись толпой за ним, оживленно обсуждая ловко организованную операцию.

«Рано радуется, – подумал он, пробежав по коридору здания и заскочив в небольшую комнату. – Талант организатора акции несомненен. Его можно выделить. Но остальные...»

Он услышал, как за дверью катастрофически быстро росла толпа. Ее приглушенный рокот создавал нездоровую вибрацию стен и потолка. Его соседи испуганно переглянулись. Он спокойно улыбнулся и покачал головой им в ответ: «Не беспокойтесь, коллеги, все в порядке». Затем он вытащил небольшой листок бумаги и написал на нем: «Прием курсового сегодня с 14 до 15».

– Машенька, – мягко сказал он лаборантке кафедры, – прикрепите это, пожалуйста, на двери с той стороны...

1977 г.

Встреча в переулке

Они выросли передо мною, словно грибы после теплого и сочного дождя: красивые и здоровые.

– Ну? – сказал первый товарищ. – Сымай!

– Что? – немедленно спросил я, так как впервые попадал в историю «один против трех в темном переулке» и имел все основания задать этот вопрос, чтобы каким-то образом конкретизировать свои дальнейшие поступки.

– Сначала часы! – конкретизировал первый товарищ.

Я охотно расстался с часами, так как у двух других вид был не менее «дружелюбный».

– А теперь плащ, – процедил сквозь зубы второй и сплюнул.

Третий критически осмотрел меня.

– Да-а, костюмчик подвел. Ты им что, пыль на мебели протираешь? Потрепанный, потертый весь... Ладно, все равно снимай... Пригодится.

– Как вам сказать? Если столы в студенческой аудитории классифицировать как мебель, то выходит, что протираю, – ответил я и ласточкой выпорхнул из костюма.

– А-а, – понятливо закивал головой третий, принимая костюм. – Значит, учишься.

– Да, еще пару лет, – и на самостоятельный хлеб. А пока, сами видите, костюмчик один, да и тот подводит.

– Стоп, – сказал первый товарищ и внимательно посмотрел на меня. – Где учишься? На дневном? В теории машин и механизмов сечешь?

– Мы – «технари»... Специалисты широкого профиля, а ТММ – один из компонентов нашего учебного процесса...

– Ну?... Вот это удача!... Тут понимаешь, какое дело... Я немного заочник. Надо контрольную решить.

– Всегда рад помочь нуждающемуся товарищу, но сам понимаешь, – я выразительно щелкнул языком. – Такие дела сразу не решаются.

– Возьми, – первый отдал мне мои часы.

– Мало! – ответил я.

Контрольная по теории машин и механизмов стоила минимум двадцать восемь рублей – это без проверки сечения в последней задаче. Мои же часы стоили всего двадцать три рубля.

– Сейчас хватит? – первый товарищ снял свои часы.

– Пожалуй, да, – прикинул я сумму. – Сдачу получишь вместе с решениями.

– Слушай, как у тебя с интегралами? – второй тоже задумчиво почесал затылок.

– Интегральное исчисление – неразрывная часть большинства инженерных наук. Так что обязан знать его как таблицу умножения.

– Ну?! Слушай, возьми заказ. Все сроки горят. Выручи, друг!

Я пожал плечами. При сентябрьской нынешней погоде в часах и ботинках было немного зябко.

– Почему бы не помочь!... При определенном материальном стимулировании – это не проблема.

– Ага. Понял. Бери, – второй кинул мне мой плащ.

– Мало, – уверенно сказал я. Плащ был старенький, а коэффициент «за скорость» резко увеличивал цену. Второй товарищ, не раздумывая, стал снимать свой плащ.

Я повернулся к третьему. Тот укладывал мой костюм в свою спортивную сумку, потом поднял голову и сказал:

– Ну, что, пошли, ребята. А то у меня завтра зачет по физвоспитанию. Нужно еще пресс «покачать». Это – дело серьезное. Это вам не машины и механизмы. Здесь самому готовиться надо.

Правильно сказал товарищ. Без самостоятельности сейчас далеко не уедешь. Очень ценное качество...

На том мы и разошлись.

1984 г.

Влип

Где-то около одиннадцати за Кузей зашел здоровенный парень в джинсовом костюме и кожаной кепке. Он окинул тяжелым взглядом исподлобья Кузю, выбежавшего открывать дверь в пижаме, мать Кузи, выглянувшую из кухни.

– Что стоишь? – строго произнес парень и сурово добавил. – Я за тобой. Одевайся.

Кузя как-то обмяк и украдкой взглянул на свою мать, несколько удивленную происходящим. Почувствовав недоброе, она подошла к парню вплотную.

– Ты куда его тянешь?

– Он знает, куда, – нагло оскалился парень, поигрывая мышцами.

Маргарита Васильевна посмотрела на Кузю. Тот медленно и нехотя собирался. Очень задумчивый и, как ей показалось, чем-то угнетенный...

– Понятно, решили взять испугом!

– Если вам нравится, то можно классифицировать и так, – голос незнакомца вдруг снова стал очень строгим. – Сколько тебя ждать? Или ты думаешь, что я здесь для мебели торчу? Тебя уже давно ждут...

Бицепсы парня угрожающе вздулись. Маргарита Васильевна, не сводя с него глаз, пошарила руками вокруг себя. Наконец, нащупала что-то, заслуживающее внимания, – пылевыбивалку. Что же, это как раз то, что нужно.

– Уходи отсюда, – сказала Маргарита Васильевна и выставила перед собой свое «холодное оружие». Парень только усмехнулся.

– Не трогай его, – вдруг тихо сказал Кузя. – Я все равно пойду. Иначе меня не простят.

Маргарита Васильевна онемела от ужаса, и пылевыбивалка выпала из ее рук.

– Ты их боишься?

– Боюсь, – чистосердечно признался Кузя. – Сейчас уже слишком поздно что-то изменить. Я слишком завяз в этом деле.

И Кузя поплелся за незнакомцем.

– Влип, – сглатывая слезы, произнесла Маргарита Васильевна, когда за Кузей уже закрылась дверь. – Что же делать? Влип!...

Несколько секунд она смотрела на дверь, пытаясь как-то осознать происшедшее. Затем нетвердой походкой подошла к телефону и сняла трубку:

– Алло!... Милиция!...

xxx

– Что же ты думаешь, если меня назначили ответственным за успеваемость в группе, так я буду сквозь пальцы смотреть, как ты просыпаешь уже второй зачет подряд, – строго говорил парень в джинсовом костюме, крепко держа Кузю за рукав рубашки.

– Но я, честное слово, нечаянно, – как-то нескладно попытался оправдаться Кузя.

– Погоди, то ли еще будет. Сегодня же устроим экстренное заседание бюро. Мы с тобой там поговорим. Ведь всю группу позоришь.

«Влип, – подумал Кузя. – Вот ведь в группу попал. Так и отличником сделают. По крайней мере, к тому ведут».

1984 г.

Отдай конспект!

В тот вечер я хотел написать юмореску о студентах, попавших в трудное положение во время сессии. Но как-то так получилось, что сначала я попал на новый зарубежный фильм из серии тех, в которых по обыкновению бывает много суровых парней, постоянно спасающих оболстительнейших девушек, много стрельбы, драк и погонь, и мало того, что мы называем содержанием картины. Придя поздно вечером из кинотеатра домой, я все-таки не отказался от мысли написать юмористический рассказ. И вот что из этого вышло.

xxx

Энди откинулся на спинку сидения и устало потер висок новеньким «винчестером».

– Он не мог чего-нибудь заподозрить? – спросил он и, перегнувшись назад, посмотрел на меня.

– Не беспокойся, все будет о`кей. Лучше выпей, – я протянул ему немного неразбавленного виски. – Это сейчас очень кстати.

Он выплюнул жевательную резинку прямо под ноги и выпил.

– Мы здесь торчим, как белые вороны, – снова сказал Энди, на этот раз со злобой. Действительно, машины проносились по авеню словно форварды «Бостон Брюинз» в свои лучшие годы. И только мы скромно причалили к обочине в ожидании своего дела.

– Потерпи немного, – ответил я и еще раз прокрутил магнитофонную запись беседы Черного Эдварда с Красавчиком. Черный Эдвард был нашим человеком. Он славился своим умением развязывать языки самым молчаливым и самым стойким. Но с Красавчиком у него вышел прокол. С какой бы стороны он ни подходил, Красавчик ловко парировал все его угрозы, построив целую крепость из недомолвок и несущественных намеков.

– Ты думаешь, Хэдли будет осторожна? – Энди снова повернулся ко мне.

– Сейчас ты сам в этом убедишься, – сказал я, настраивая приемник на волну микропередатчика, установленного в серьгах Хэдли. Энди наострил уши.

–... ах, дорогой, прекрати об этом говорить. Неужели у нас больше нет тем для разговора, – из приемника послышался капризный голосок Хэдли. – В конце концов, теорий прочности так много, а мы с тобой здесь только вдвоем...

– Что она делает? – воскликнул Энди. – Он же почти раскололся...

– Не кричи, – грубо оборвал его я. – Что делать, она знает лучше нас.

– Ну, что же ты, дорогой, – услышали мы опят голос Хэдли.

– Одну секунду, моя крошка... – в приемнике вдруг послышался громкий треск.

– Красавчик включил систему помех, – констатировал Энди. – Парень не промах.

Меня это разозлило. Слишком много неприятных минут доставил мне Красавчик за последние дни.

– Одевайся, – крикнул я Энди и кинул ему пуленепробиваемый жилет. – Мне надоело ждать. Конспекты, наверняка, у него дома.

– Давно бы так, – крикнул Энди, щелкнув предохранителем своего «винчестера». – Вот такая работка мне по душе.

Мы выскочили из своего «форда» и зашагали к дому Красавчика. Иного выхода у нас не было. Экзамен по сопромату – завтра.

1985 г.

Как я был редактором

Как-то на очередном профсоюзном собрании выдвинули меня редактором нашей факультетской газеты. Это Ершов, активист нашей профгруппы, постарался. Встал и напрямик всем заявил:

– Нам давно уже пора оживить выход своего боевого органа. И Поливинилов для этого – самая подходящая кандидатура. Самокритичен, гибок, напорист. Энергия – через край. Что еще для редактора надо?

За неимением других кандидатур все проголосовали за меня. Тогда я встал и в ответном слове неосторожно заметил:

– Спасибо, товарищи, за доверие. Я приложу все свои силы, чтобы наша стенная печать превратилась в действительно боевой, острый орган, неуживчивый с отрицательными явлениями.

Уже на следующий после собрания день я взялся за редакторские дела. Этот факт почему-то ошеломил на факультете всех. Весть о подготовке первого номера стенгазеты распространилась с быстротой молнии.

– Это правда? – спросил меня Кошкин, едва ли не шепотом, когда мы шли с ним обедать в студенческую столовую.

– Правда, – спокойно ответил я.

– Тогда возьми вот эту заметку. Я ее, правда, псевдонимом подписал, но все изложенное здесь соответствует действительности. И про нашего декана тоже, – и он, оглядываясь так, словно это был текст зашифрованного донесения, передал мне сложенный до размера трехкопеечной монеты листочек.

С приближением выхода первого номера стенгазеты шум вокруг этого предстоящего события стал нарастать. Я заметил, что к нам все чаще и чаще стали заглядывать преподаватели и студенты с других факультетов, глядя на меня, тихо спрашивали у кого-нибудь:

– Этот?

– Этот, – скорбно отвечали им трагическим голосом.

После обеда ко мне пришел Котелков.

– Отчаянный ты человек, Поливинилов, – сказал он. – И знаешь, мысленно я с тобой.

– А что такое? – не понял я.

– Разве не боишься? – спросил Котелков, хитро сощурившись.

– А чего бояться? – в свою очередь спросил я. – Ничего нового в вопросе критики и самокритики нет. Требования на этот счет известны всем. Их надо только придерживаться и развивать.

– Ну-ну, давай придерживайся и развивай, – с легкой иронией произнес Котелков, но все-таки полез в карман и вытащил оттуда листок бумаги. – У меня здесь под псевдонимом. Это ничего?

– Ничего, – ответил я и забрал очередную заметку. – Спасибо. Честно говоря, не ожидал от вас такой активности и помощи.

Накануне выхода первого номера вызвал меня к себе, наконец, и наш декан товарищ Лепестков. Честно говоря, я давно уже ждал этого момента.

– Что-то вокруг вас, Поливинилов, такой ажиотаж поднялся. Затмили славой на факультете всех, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – Дешевую популярность таким образом завоевать думаете?

– Да я здесь, честное слово, ни при чем, – попытался оправдаться я, но вышло это у меня не очень убедительно.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнес декан. – А я в вас, откровенно говоря, был уверен. Скоро распределение, были предложения оставить вас на кафедре. А тут вы со своей стенгазетой. Говорят, много в ней будет интересных, полезных, острых, критических материалов, замечаний, не взирая на лица. Это, конечно, очень хорошо. Даже прекрасно, можно сказать. Но как-то не связывается все это в единое целое. Понимаете меня, Поливинилов? Стенгазета получается сама по себе, перспектива – сама по себе. Не вижу я в этом противостоянии органического единства. А вы видите?

Пришла моя очередь задуматься. Щелкнул я тогда языком и ответил:

– Если вы не видите в этом гармонии, Иван Николаевич, то уж мне ее вдвойне трудно увидеть.

Словом, вышел я от декана с точно поставленной перед собой целью. Собрал все материалы первого номера стенгазеты и понес их Ершову. Тот, ничего не понимая, уставился на меня.

– Знаешь, Ершов, – сказал я. – Ты меня в редакторы выдвигал, ты меня и задвинь. Очень прошу тебя.

– Эх, значит, опять осечка вышла, – горестно вздохнул активист нашей профсоюзной организации. – Не везет нам с редакторами. Не задерживаются они у нас. Никто не выдерживает. Что же, будем искать замену...

– Ты их только не выбрасывай, – посоветовал я, передавая материалы. – Дело это очень нужное и эффективное. Может, кому еще пригодится. А может, и мне самому. Через пару лет...

1986 г.

Третьего не дано

Зашнуровав кроссовки, Сандрик, пожившись, вышел на беговую дорожку. Подпрыгивая, разминаясь, разогревая мышцы, приблизился к тренеру.

– Надеюсь, ты понимаешь, – сказал тот, – экзамен, тем более такой, какой у тебя сегодня, это всегда тяжелый труд.

Сандрик согласно кивнул головой.

– Постарайся пройти всю дистанцию как бы на одном дыхании, – продолжал наставлять тренер. – Запомни, на первенстве вузов слабых соперников у тебя не будет. Поэтому уже сейчас ты должен вы-ло-жить-ся! Мы очень рассчитываем на твою победу послезавтра.

И, подумав, добавил:

– Словом, запоминай: на «отлично» – двадцать три секунды, на «хорошо» – двадцать три с половиной, на «удовлетворительно» – двадцать четыре секунды. И всего двести метров бега.

– Ого! – вырвалось у Сандрика.

– Но сам понимаешь: иного выбора нет. Одно из двух. Третьего не дано.

– Я готов, – хрипло произнес Сандрик, концентрируя волю.

– Приготовились!... Марш!

Сандрик со старта вылетел словно из катапульты. Домоклов меч экзамена гнал его по дистанции.

За финишем Сандрик опустился на зеленый газон стадиона.

– Признаться, не ожидал от тебя такой прыти, – услышал он голос тренера. – Великое дело – стимул!

Придя немного в себя, Сандрик потянулся к заднему карману трико – за зачетной книжкой.

– Четверку ты сегодня заработал честно, – сказал тренер, забирая зачетку.

Пряча ее в свой карман, он только уточнил:

– Это какой у тебя сегодня экзамен? Политэкономия?

– Да, – выдохнул Сандрик, откидываясь на траву. – А потом – физика...

1988 г.

Неожиданная встреча

Экзамен по математике начинался в девять. Без пяти минут почти вся группа была в сборе. Староста посмотрел на часы и покачал головой:

– Что-то наш преподаватель задерживается...

– Не к добру, – добавил Сандрик и слегка поежился. – Плохая примета.

– А тебе этот экзамен в любом случае не к добру, – высказал предположение староста.

– Это почему же? – возмутился Сандрик, инстинктивно проверяя наличие учебников под своей джинсовой курткой.

– Ты на лекции фактически не ходил, – рубанул с плеча староста. – Откуда знаниям быть?

– Ну и что, что не ходил? Запомни: я удачливый. Главное в нашем деле – крепкие нервы. Кто со мной не согласен?

Ему никто не ответил: все жадно изучали конспекты. От этого лихорадочного листания Сандрику стало не по себе. Решив размяться, он вышел из аудитории.

Сделав несколько шагов по коридору, увидел стремительно летящую навстречу девушку в строгом платье. Что-то знакомое померещилось Сандрику в ее облике. Недолго думая, преградил незнакомке дорогу:

– Тебе не кажется, что мы с тобой где-то уже встречались? – дружелюбно спросил Сандрик, игриво обнимая девушку. – Вот только не помню, где?

– Разве? – удивленно спросила она, с трудом освобождаясь из объятий Сандрика. – Я вас на лекциях что-то не припомню...

– А-а, ты, наверное, учишься в нашей группе, – догадался Сандрик. – То-то я вижу, что лицо мне тебе знакомо, а где видел – понять не могу.

– Простите, я опаздываю, – сурово сказала девушка, пытаясь пройти мимо.

– Да погоди, ты, чертовка, – остановил ее Сандрик. – Наш преподаватель все равно еще сон досматривает. Так что придется подождать. А вдвоем, согласишься, ждать веселее.

Сначала незнакомка хотела что-то возразить, но, посмотрев на решительное лицо Сандрика, улыбнулась и сказала:

– Я бы хотела еще немного почитать конспект. Говорят, наш преподаватель – очень строгая.

– Да брось ты – конспект, строгая, – немного рисуясь, произнес Сандрик. – Ты бери пример с меня. Я только на одной, самой первой лекции по математике был. И все равно считаю, что экзамен у меня в кармане.

– Это почему же? – удивилась незнакомка. – Потому что в каждом кармане по шпаргалке?

– Ты, что? – рассмеялся Сандрик. – Чтобы шпаргалки иметь, их надо сначала написать. А у меня со временем, честно говоря, туго. Ты, кстати, не хотела бы сегодня вечером посидеть со мной в баре? Хороший «металл» ребята крутят. И ты, между прочим, ничего. С такой не стыдно показаться. Только, конечно, не в этом платье. Ты меня понимаешь, верно?

– Как же ты без шпаргалки думаешь сдавать математику? – пропуская мимо ушей приглашение, спросила девушка. – Поделись опытом. Мне ведь тоже времени катастрофически не хватает.

– О`кей, – усмехнулся Сандрик, распахнул куртку и продемонстрировал торчащие под рубашкой учебники. – Здесь скорее важна ловкость рук, умение выдержать паузу. Физик, между прочим, на предыдущем экзамене ничего не «подсек».

– И ты сдал физику? – не поверила незнакомка.

– Сдал, – гордо ответил Сандрик, застегиваясь. – Ты пойми, им ведь тоже нет никакого резона нас «заваливать». Бегай потом за нами, пока пересдадим.

– Интересная теория, – задумалась незнакомка.

– Так что мы решили относительно сегодняшнего вечера? – настойчиво добивался Сандрик.

– Давай договоримся так. Если ты сейчас сдашь экзамен по математике, то вечером мы с тобой идем на дискотеку. Но если «завалишь»...

– Решено, – обрадовался Сандрик. – Я рад, что мы так быстро нашли общий язык. Тебя, кстати, как зовут?

В этот момент из аудитории вышел староста. Увидев незнакомку, сразу же бросился к ней:

– Марина Николаевна, а мы вас уже ждем. Аудитория к экзамену готова.

– Да-да, сейчас иду, – ответила Марина Николаевна и посмотрела на Сандрика. В ее глазах плясали веселые огоньки. И она быстро направилась в аудиторию.

– Кто это? – шепотом спросил остолбеневший Сандрик у старосты, чувствуя выступивший под рубашкой холодный пот.

– Наша математичка, – ответил тот, отправляясь вслед за нею. – Говорят, сразу после университета пришла к нам лекции читать.

– Так вот почему ее лицо мне знакомо, – горестно сказал самому себе Сандрик, доставая книги из-за пазухи. Чутье подсказывало ему, что на сегодняшнем экзамене они уже не понадобятся.

1988 г.

Лебединая песня

Он сидел, опустив голову и глубоко задумавшись.

«Все. Моя песенка спета, – подумал он, и ему стало как-то очень и очень жаль себя. – А ведь я еще такой молодой... Да-а, попал в переплет. Сейчас попробуй, выкрутись...»

Он поднял голову и обвел отсутствующим взглядом присутствующих здесь людей: «Что им от меня надо? Неужели конец? Ах, как быстротечны мгновения счастья».

Только сейчас он понял, как совершенно не ценил своих золотых дней молодости. Он был легкомысленным, легко поддающимся чужим влияниям наивным человеком. Все – в прошлом. Даже нечего вспомнить. Если только Маришку. Да и та, увидев, в какую историю он влип, ушла к другому, умному, хотя и в очках, мужику.

Он уже ни в чем не обвинял себя. Поздно. Слишком поздно. Он прекрасно знал, на что шел. Тогда. И остальные тоже знали. Знал, что повсюду неотвратно. И все же как-то не верилось, что все будет так просто и нудно.

На него смотрели с некоторой опаской. Он чувствовал это. Но предпринимать что-то было просто лень. Что заслужил, то и получишь. Это он тоже знал неплохо. Меньше трех лет за такие дела не дают. У него все поплыло перед глазами. А может заплакать, попроситься, смягчить сердца слезливой физиономией. Три года, маменька моя родненькая... А, может, честно признаться, что он ничего не знает и совершенно напрасно морочил столько времени им всем головы.

«Нечего ныть, – сказал он себе. – Надо держаться. Надо быть мужчиной. И принять этот удар судьбы с высоко поднятой головой».

Это самовнушение придало ему сил, и он уже смелее посмотрел на этих людей. «Вы думаете, это мне дадут три года? Нет, это нам с вами дадут такой

срок», – хотелось ему мысленно крикнуть всем присутствующим, но его перебил громкий голос декана:

– Итак, Сизифов, куда бы вы хотели ехать по распределению? Мы слушаем ваши пожелания... Внимательно слушаем...

Присутствующие одобрительно закивали головой...

1977 г.

Начало

– Боязно? – понимающе улыбаясь, спросил Катапультков-старший, глядя на сына, который слегка дрожащими пальцами медленно перелистывал учебник «Сопротивления материалов». – Правильно, первый рабочий день – это, брат, как фундамент: как поставишь, так и будет держаться авторитет в коллективе.

– То-то и оно, – ответил Катапультков-младший. – Все-таки после защиты диплома призабыл некоторые формулы...

– А ты учи, вспоминай... Я, брат, свой первый рабочий день как сейчас помню. Пришел в бюро, и завалили меня проектами. Специалистов тогда не хватало, так что попотеть пришлось. А потом и в привычку вошло работать изо всех сил. Так до пенсии время незаметно пролетело. И все равно руки чешутся. Так бы, кажется, и стал снова за кульман, – сказав это, Катапультков-старший потрогал лежавший на столе диплом сына. – Вкладыш не забудь взять. Пусть посмотрят, что не зря хлеб на студенческой скамье ел. Вон, сплошные пятерки...

– Да что ты, отец, в самом деле, – ответил, смущаясь, Катапультков-младший, выписывая на бумажку формулы изгиба и кручения.

– Ладно, ладно, – пробурчал Катапультков-старший и направился из комнаты сына, но в дверях обернулся. – Ты только долго не засиживайся. Завтра рано вставать. Грех в первый день на работу опаздывать. А вкладыш не забудь. Непременно спросят...

xxx

– Начальника пока нет, но я могу показать ваше рабочее место, – сказала Лидочка-машинистка, оглядывая с ног до головы Катапульткова-младшего, робко сжимавшего в руках диплом и приложение к нему. – Вот стол и кульман возле окна.

– Спасибо, – поблагодарил Катапультков-младший и медленным взглядом обвел комнату.

– Да ты не дрейфь, парень, – весело крикнул Кошкин и, вытащив из стола шахматную доску, подмигнул новому работнику. – Здесь все свои, самый мировой отдел... Ты в шахматы как? Может, скинемся партейку?

– Да нет, я в шахматы не очень, – ответил Катапультов-младший и робко поправил галстук.

– Ты что? А чем в институте занимался?

– Да больше конструкционными материалами.

– Жаль, – огорченно произнес Кошкин и, повертев доску в руках, положил ее обратно в стол. – Я-то надеялся, времени до обеда еще уйма.

– Э-э, молодой человек, оперу Чайковского из семи букв не подскажете, – выглянул из-за своего кульмана умный Ершов.

– Да я, собственно, не музыкант, – тихим, слегка подрагивающим голосом ответил Катапультов-младший. – В институте нас ориентировали на конструирование прогрессивных систем...

– Детективами не увлекаетесь? – оторвавшись от чего-то, наверное, очень интересного, поднял глаза на молодого специалиста Котелков. – Я вот здесь один заканчиваю. Японский. Убийства на каждой странице и все разными способами. Могу дать почитать до конца рабочего дня.

– Нет, детективами не увлекаюсь, – совсем испугавшись, ответил Катапультов-младший. – Времени как-то не было. То курсовые, то студенческое конструкторское бюро. Червячные, ременные передачи... Проекты, знаете, идеи новые...

– Слышь, новенький, батник не купишь? – из-за кульмана со свертком в руках вышел Поливинилов. – Недорого возьму. Мне он не подошел. Обидно. Весь день вчера примерял. Ты в плечах меньше, тебе подойдет... Да ты не бойся. Иди сюда, за кульман, прибрось на плечи.

– Да я, собственно, работать... По направлению ... На должность инженера, – беспомощно оглядываясь по сторонам, пропищал Катапультов-младший.

– Кого вы слушаете? – подскочила к растерявшемуся молодому специалисту Лидочка-машинистка. – Всем известно, что у этого Поливинилова одни джинсы да батники с дубленками в голове. Вы лучше посмотрите, что у меня есть. Настоящие французские моды. Между прочим, и для мужчин такого типа, как вы, – и она потащила Катапультова-младшего к своему столику.

– Да я... Да вот, диплом... Вкладыш с отметками... – залепетал тот что-то совсем непонятное, двигаясь за Лидочкой.

– Что вы говорите? – переспросила она.

– Нет, нет, ничего, – вдруг бодро ответил Катапультов-младший, словно очнувшись от шока. – Так вы говорите, моды. О, это очень интересно.

Никто из присутствующих так и не заметил, как он быстро смял вкладыш к своему диплому и незаметным движением опустил его в карман пиджака. Не мудрено, все были заняты своим делом.

1980 г.

Секрет фирмы

Что там говорить, весь наш курс знал, что Катапультову просто дьявольски везет. Бывают такие люди, которым достаются исключительно счастливые билеты в новогодней лотерее, самые лучшие места в театре, самые красивые знакомые девушки. Катапультову доставались самые легкие билеты на экзаменах.

Приходишь, бывало, сдавать сопромат. Лицо от формул перекошено, руки после бессонной ночи трясутся, в голове – вавилонское столпотворение, в глазах – темно. По стенке добираешься до нужной аудитории и немного стихаешь перед последним рывком. И здесь же вдруг появляется в коридоре Катапультов. Щеки – розовые, в глазах – огонь, жажда предстоящей схватки с преподавателем, на губах – улыбка во весь рот, а с языка шутки в наш адрес так и слетают. Не знаю, как кого, но меня лично это просто бесило. Вот ведь, думаю, везет человеку, наделила его мать-природа такой незаменимой в студенческих делах способностью – тащить самые легкие билеты. Хоть ты плачь тут прямо под дверью аудитории.

Интересно, что заходил Катапультов на экзамен всегда самым первым. В течение получаса «отстреливался» и выходил с очередной «пятеркой», все так же ехидно улыбаясь, смеясь над нашим жалким видом. Все, конечно, со всех ног к нему: «Что отвечал? Какой билет? Как настроение преподавателя? Можно ли списать? Стоит ли вообще сегодня идти на экзамен?» А он так спокойно выставит ладошку вперед и говорит свою знаменитую «дежурную» фразу:

– Ребята, вы меня знаете, как всегда, самый легкий билет, – и все на этом.

Чего мы только не делали, чтобы разгадать метод Катапультова. Было даже время, когда следили за каждым его шагом. Он в столовую – и мы за ним, он в общежитие – и мы, он на тренировку – и мы, он в читальный зал – и мы, он на лекцию – и мы, правда, не все. И ничего в нем особенного не нашли. Сидит себе, конспектирует, а мы на него смотрим, в столовой ест, на тренировке

носится как угорелый, в библиотеке читает, а мы все на него смотрим. И ничего заслуживающего внимания не видим.

Плюнули мы потом на это дело – слежку за Катапультовым. Или он чувствовал, что мы за ним следим, поэтому и не раскрывал своих карт, или действительно сидела в нем какая-то сила сверхъестественная. Но как подходила очередная сессия, картина повторялась в точности. Мы – синие от злости и недосыпания. Катапультов – кровь с молоком, так от него и несло оптимизмом.

Самое интересно, что мы в институте так и не смогли раскрыть его секрета. И уже где-то лет пять спустя встретил я Катапультова на автобусной остановке. Он все такой же: здоровый, глаза веселые, шутками так и сыплет. Понятно, уже начальник управления – и там ему, наверное, везет. Так вот, встречаю и говорю:

– Слушай, Катапульт, ну сейчас-то можешь ты сказать, как тебе удавалось эти номера проворачивать с экзаменационными билетами. Раскрой секрет фирмы.

– Сейчас могу, – говорит. – Просто они для меня, действительно, все легкие были. В семестре поработаешь, в сессию можно и отдохнуть.

– Привет, – говорю, – от мастеров художественного свиста. Я ведь сам мастер заливать. Ну, можешь ты мне всю правду сказать?

Он, чудак, удивляется:

– Да я тебе все, как было, выкладываю.

– Ладно, я тебя ведь, Катапульт, насквозь вижу. Ты этим способом, наверное, и сейчас пользуешься, вот и не хочешь открываться. Признайся, так?

Он улыбнулся, покрутил головой и так ехидно, как бывало в институте, говорит:

– Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

На том мы с ним и расстались. И, если честно, меня это дело до сих пор мучает. Есть же счастливые люди. Вот Катапультов – уже управляющий трестом. И почему удача выбрала его, а не меня? Не пойму. 1980 г.

Фотография

Хорошее дело – институт. Сколько лет прошло, а с какой теплотой вспоминаешь то беззаботное студенческое время. Порой так и хочется вернуть все обратно, стать таким же молодым и веселым, каким был. Встретиться с друзьями, лица которых уже постепенно размываются в памяти. Жаль, фотографии нет. Была, да сжег я ее как-то. И, прямо сказать, редко жалею об этом. Потому что вышла с фотографией такая история.

Случилось это года три назад, когда напала на меня тоска, подобная сегодняшней. Достал я фотографию всего нашего выпуска. Рассматриваю. Вспоминаю. Подходит жена.

– Кто этот, симпатичный такой? – указывает пальцем на одну из карточек и садится рядом со мной.

– Этот?... Витя Хромов... Сейчас в министерстве отделом заведует. За несколько лет сделал отличную карьеру.

Жена с уважением посмотрела на физиономию моего старого друга.

– А этот где сейчас?

– Саша Поливинилов? Защитил кандидатскую. Преподает в том же институте, где мы и учились. Башковитый, ужас! Ему и докторская по плечу. Вот увидишь!

– А здесь кто? – жена с интересом посмотрела на следующую карточку.

– Это Володя Котелков. Непоседа – жуть! Закончили институт, попросился на Камчатку. Представляешь, буквально через несколько лет получил орден за строительство нового города. Каково, чувствуешь? Сейчас руководит трестом.

Жена задумчиво покивала головой.

– А это кто?

– Ха-ха-ха. Неужели не узнала? Это же я – Александр Борисович Елкин, инженер планово-экономического отдела... Ну, не узнала?... Каково? Не узнать собственного мужа? Неужели я так изменился?...

Честно говоря, меня это так рассмешило, что я подскочил к зеркалу и стал мять свое лицо руками.

– Клава, ну, посмотри. Нос – тот же. Глаза – те же. Щеки... Вот, может, щеки немного толще стали? А?

Я обернулся и увидел, каким взглядом меня измерили.

– Нет, – сказала жена, делая почему-то на этом слове странное ударение.

– Ты абсолютно не изменился после своего института...

В тот же день мы крупно поссорились. Из-за моей зарплаты. Но я-то знал, что виной всему – фотография. Вот и пришлось ее ночью сжечь, тайком от жены. И сейчас редко жалею об этом. Так как Витя Хромов уже заместитель министра, а Саша Поливинилов защитил докторскую.

1978 г.

День первого тумана

Я не знаю такой девчонки, которая бы в свои двадцать два года не хотела бы выйти замуж. Не знаю, потому что таких нет. А если где-то и есть одна, так это дура. Самая настоящая дура. Я всегда так думаю, когда стою у витрины «Салона для новобрачных». Я могу простоять здесь целый час, пока на меня не станут обращать внимание. Только тогда я могу уйти от этого белоснежного, воздушного платья. А могу и остаться. И совершенно не обращать внимания на хихикающих прохожих. Наверное, даже моих ровесниц. Но я обычно ухожу. Чтобы побродить по городу...

Сейчас весна. А я люблю осень. И особенно тяжелые осенние туманы. Такой вот у меня вкус. Но мне все равно хочется побыть одной. В такие минуты я люблю о чем-нибудь думать и даже мечтать. О себе, о своих друзьях. О том, какая я старая. И о том, какая я дура. Мне уже двадцать два года. Я заканчиваю институт. Так что есть, о чем подумать.

Моя мама вышла замуж в девятнадцать лет. Страшно подумать. Девятнадцать лет мне было три года назад. И если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что пора выходить замуж, я бы не рассмеялась. Я бы, пожалуй, испугалась. А сейчас иногда подолгу смотрюсь в зеркало и думаю: «Кто тебя возьмет, кому ты нужна. Ты даже не можешь по-человечески строить глазки. Не говоря уже о том, чтобы грамотно целоваться. У тебя появилась первая морщинка у глаз. А через двадцать лет ты будешь такой».

Здесь я обычно не могу удержаться, чтобы не посыпать собственные раны солью, и строю самой себе довольно отталкивающую гримасу. После этого хочется немного плакать. Но я не плачу, а только думаю, какая мама счастливая. В двадцать лет она уже стала моей матерью. Двадцать лет мне было два года назад. Тогда я билась над своими курсовыми и ни о чем не думала. Ни о чем таком. А вот сейчас, когда до диплома осталось чуть больше двух месяцев, думаю. И думаю о том, кто из нас в свои двадцать лет был счастливее: я или моя мать? Наверное, глупый вопрос, правда? Но я не нахожу ответа. И

совсем не склонна считать себя счастливой. В девятнадцать лет у моей мамы уже был настоящий друг – мой отец. У меня такого друга нет. И еще неизвестно, когда будет. Да и будет ли вообще?

Мама говорит, что я должна чувствовать себя счастливой. Потому что через несколько месяцев стану дипломированным специалистом. Что же здесь счастливого? Я ведь шла к этому пять лет. Пять лет лекций, семинаров, курсовых, лабораторных, экзаменов. Так что диплом – это скорее не счастье, а закономерность. Однажды я спросила маму, хотела бы она сейчас поменяться со мною местами, поменяться судьбами. Помню, как долго смотрела она на меня, прислушиваясь к звуку пишущей машинки. Отец работал в своем кабинете. Как долго боролись в ее душе какие-то противоречивые силы. Помню ее задумчивую улыбку и немного ироническую окраску слов:

– Ах, Галка, это просто невозможно. Зачем зря душу шевелить? У нас слишком разные судьбы...

Говорят, я внешне очень похожа на свою мать в молодости. А характер – отца. Стеснительный. Сейчас, когда я смотрю на отца, часто думаю, смогла бы я на месте матери тогда, двадцать три года назад, выйти за него замуж? Невысокий, коренастый, постоянно короткая стрижка, немного сторбленный. Костюмы и те, судя по фотографиям, уже тогда сидели на нем, как и сегодня: только бы тело прикрыть. У нас в группе его обязательно прозвали бы «трактором» или еще чем-нибудь таким. Что в нем было такого, чтобы можно было влюбиться? Может быть, только глаза. Спокойные и теплые. И еще какие-то наполненные. Нечасто встретишь такие. Но я бы и за глаза не вышла.

Вообще, отношения у меня с родителями немного странные. Нет, они меня не опекают. Я чувствую себя совершенно свободно, так как право выбора во всем предоставлено мне самой. Они как бы наблюдают за мной со стороны. Иногда я ловлю себя на какой-то неестественности таких отношений. Я свободна и ... одинока. Правда, я никогда не стремилась выходить за рамки уже сложившегося обо мне представления, как о девочке тихой, еще со школьной скамьи увлеченной черчением, математикой, физикой. Так что только пытаюсь

представить, какова будет реакция моих родителей, если вдруг приведу в свою комнату, скажем, парня. Мне двадцать два года. Что же в этом плохого? По правде говоря, я не представляю, как это может случиться, как не представляю и реакции моих родителей. По-моему, шансов на то, что они обрадуются, у меня почти нет. Конечно, если только парень будет очень уж воспитанный и смазливый. А для этого мне самой необходимо подыскать хотя бы французскую оправу, потому что в нынешней на меня будут смотреть, но не видеть. Так что шансов ноль.

Прочла бы эти мысли моя мама! Она бы все равно не поверила. Разве может быть у человека, получающего вот-вот диплом о высшем инженерном образовании, в голове что-то еще, кроме счастья. Она бы не поверила, как и сейчас не верит, что ее дочери уже двадцать два года. А это ровно на три года больше того возраста, в котором она сама стала счастливой.

Нет, об этом больше нельзя думать. Во-первых, может надоест. А во-вторых, я уже подошла к кинотеатру. Сегодня я с Аликом иду в кино. В принципе, в кино мы идем всей группой. Одна из самых глупых привычек, которая дожила с нами до пятого курса. Но после кино меня будет провожать домой Алик. В третий раз. Самое интересное, что он похож на моего отца: такой же коренастый и невысокий. Правда, глаза у него не такие теплые. И еще у него ужасная манера разговаривать. За каждым его словом чувствуется какая-то издевка или ирония. И к себе, и ко мне. Честно говоря, я его только и заметила, когда он взялся меня провожать в первый раз после дня рождения Натки Масловой. Две недели назад. Словно и не видела его раньше, а пять лет проучились вместе. Странно как-то. Остается каких-то два месяца до конца учебы и только сейчас начинаешь открывать вокруг себя людей. Оказывается, я его совсем не знала. Что он умеет так молчать. И так серьезно смотреть на меня. От неожиданности я тогда так рассмеялась, что даже испугалась. Чего? Ну, что он уйдет. А он не ушел. И совсем не обращал внимания на мой смех. А только молчал и совершенно серьезно смотрел на меня. Наверное, глупо так смеяться в двадцать два года. Но он не ушел, а это главное.

Вот я и в кинотеатре. Возле кассы, кажется, стоят наши. Даже с такого большого расстояния я вижу Алькину кожаную куртку. Наверняка, они опять ждут меня. Я мимоходом смотрю в свое отражение на витраже кинотеатра. Двадцать два года. Ну и что?

Я прибавляю шаг и почти бегу к нашим...

1977 г.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum